

Макка Албогачиева

Из истории борьбы с кровной местию в Ингушетии¹

Кровная месть еще сохранилась на территории России преимущественно среди народов Северного Кавказа: Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Чечни. Вместе с тем убийства, совершаемые по мотиву кровной мести, встречаются не только в регионах Российской Федерации, но и во многих странах мира, например в Греции, Албании, Сербии, Италии, на Корсике, в Японии, в странах Ближнего Востока. Этот древний обычай общинно-родового строя также бытует на территории Туркмении, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Татарстана, Грузии, Абхазии, Азербайджана.

У ингушей обычай кровной мести был известен в прошлые времена [Städer 1797: 17] и отчасти сохраняется ныне. Кровная месть изначально являлась механизмом реагирования на нарушение социальных установлений, предотвращала многие инциденты, потому что человек рассматривался не сам по себе, а как часть «целого». Объект посягательства перемещался с человека на родовые отношения, внутри которых находился данный индивид. Этот обычай выполнял

**Макка Султан-Гиреевна
Албогачиева**

Музей антропологии
и этнографии им. Петра
Великого (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург,
albmac@mail.ru

¹ Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России».

функции государственного института, регулирующего взаимоотношения между членами общины, — служил предупреждению преступлений и наказанию преступников. Он в известной степени помогал сохранять общественный порядок, социальную справедливость и равенство, предотвращая распространение в обществе произвола и анархии.

«Кровная месть являлась особой формой самозащиты родов: чтобы не нарушить существовавшего ранее равновесия между родами, не стать слабее рода обидчика, род обиженного должен был или причинить враждебному роду равноценную обиду, или убить равноценного члена рода. Мстителей не интересовало, преднамеренно ли было совершено убийство или случайно, убит ли состоятельный горец или бедняк. Часто за кулака, который в обычное время вызывал неприязнь всего рода, кто эксплуатировал бедняков, они должны были мстить за его смерть, рискуя своей жизнью. Кровная месть прекращалась только тогда, когда потерпевший род уничтожал человека из враждебного рода или путем примирения получал определенную сумму за потерю членов рода» [Жупикова 2007: 127].

Убийство, даже совершенное по неосторожности, непременно порождало другое, так как родственники убитого мстили за его смерть убийце. Эта месть за смерть и называется *кровной мезтью* или *кровной враждой* (инг. *дов*), а люди, которые враждуют друг с другом из-за убийства, — *кровниками* или *состоящими в кровной вражде (довхой)*, мститель (*пхья лехар*), убийца (*пхья боаллар*).

Кровную месть способна вызвать не любая обида, а только та, которая по народным обычаям карается исключительно кровомщением. Естественно, что нормы обычного права у каждого народа свои, а следовательно, и причины возникновения кровной мести разные. Так, у ингушей помимо убийства кровной мезтью преследовались и другие действия — насилие, увечье, похищение женщины, изнасилование, прелюбодеяние с замужней женщиной, соблазнение незамужней, похищение девушки без ее согласия с целью вступления в брак [Александров 1905: 272]. Ф.И. Леонтович писал, что «дела эти возбуждают у туземцев самые сильные страсти, отуманивают их горячие головы и побуждают туземцев на самые отчаянные и кровавые преступления» [Леонтович 1883: 148]. Н.Ф. Грабовский, изучавший быт ингушей в середине XIX в., пишет, что в народные суды поступали дела о кровной мести, при разборе которых выяснялось, что вражда в семьях длится в течение 100–150 лет и в каждой из враждовавших сторон число убитых доходило до 20 душ [Грабовский 1868: 202].

В современной Ингушетии кровная месть еще отчасти сохранилась, и поводом к ней служат все те же причины, что и в прежние времена. Общественное отношение к этому обычаю в общем негативное, но его бытование столь продолжительное время связывают с тем, что закон кровной мести людям необходим: он показывает, что жизнь и судьба человека бесценны и любое посягательство на них не может остаться без последствий. Иными словами, смысл кровной мести понимается не в самом физическом уничтожении противника, а в том, чтобы заставить его ценить и уважать жизнь. Мечь имеет императивный характер, потому что она является ответным актом за содеянное преступление. Это своего рода «двусторонний обмен, вытекающий из возврата оскорбления и перемены ролей оскорбителя и оскорбленного. Обида вызывает контробида, и начальное отношение переворачивается: теперь оскорбленный становится оскорбителем, и наоборот. Таким образом, мечь перестает быть желанием, которое подавляет и обуздывает закон, а становится нормой, которую закрепило общество» [Verdier 1980: 14].

Попытаемся разобраться, почему местное население бывает не удовлетворено уголовным наказанием, предусмотренным Уголовным кодексом РФ, и находит удовлетворение в примирении по местным адатам. Как известно, кровная мечь в 2 % случаев заканчивается смертельным исходом и в 60 % — примирением без внесения кровной платы, «ради Аллаха». При этом люди руководствуются не стремлением пролить чужую кровь или нажиться на собственной трагедии, а желанием наказать группу, к которой принадлежит убийца. В суде преступник несет индивидуальную ответственность за содеянное, а его семья, род, религиозное братство, в котором он состоит, не подвергаются никакому наказанию. Тогда как по местному адату наказываются родственные и духовные общины — здесь все еще сохраняется групповая ответственность за члена социума. Таким образом, каждый ингуш знает, что за убийство должен будет ответить не только он сам, но и его близкие. «Обида, направленная против одного индивида, касается в целом и его группы, ставя его в положение некоего обмена с обидчиком и его группой: эти последние уже приняли на себя долг в отношении оскорбленного и его группы, неизбежным следствием которого является обязательство тяжело отомстить оскорбителю и его группе» [Рулан 2000: 174].

В Ингушетии на начало 2011 г. в состоянии кровной вражды находится 73 семьи. Казалось бы, количество небольшое, но ингуши — малочисленный народ, имеющий разветвленную сеть родственных отношений, это тейповая и сложная вирдовая

структура. Вражда между 73 семьями распространяется на родственников по материнской линии, по отцовской, по линии дедов и бабушек и т.д. Это сотни людей, не знакомых ни с погибшим, ни с тем, кто его убил, но вовлеченных в этот магический круг. О вступлении враждующих семей в отношения родства через брак не может быть и речи даже после примирения. Крайне редко, но бывают случаи разводов после объявления кровной мести, несмотря на то что в Ингушетии к разводам отношение негативное. Если трагедия произошла между близкими родственниками, то коллективная ответственность меньше: представитель жертвы по крови не может мстить своему близкому родственнику по мужской линии, виновному в убийстве другого родственника по мужской линии (отец, сын, брат).

Как известно, женщина не принимает активного участия в самой кровной мести, но она часто играла и играет активную роль в межродовых столкновениях, в одних случаях водворяя мир, в других — разжигая месть. Ингушская пословица гласит: «Из-за одной женщины гибнет девять мужчин». А полномочия на защиту интересов женщин семьи принадлежат мужчинам, связанным с ними узами кровного родства. Честь, достоинство и репутация семьи всегда были и остаются незыблемыми ценностями для ингуша, поэтому любое посягательство на них влечет ответный удар, соизмеримый с нанесенным противником. Однако есть и примеры, когда сестра мстит за погибшего брата, жена — за мужа, дочь — за отца. Так, Н.Ф. Яковлев в начале XX в. писал: «После убийства вышел однажды убийца с двумя двоюродными братьями во двор своего дома. С дороги увидели их младший брат убитого З. Г. и его родная сестра, старая дева 50 лет, Пугускы. Они оба открыли стрельбу из винтовок по двору врагов» [Яковлев 1925: 124]. Этот случай является исключением из правил, но в народной памяти таких примеров много. Хотя женщина как активная мстительница не фигурирует, она может выступать и как «подстрекатель», и как «миротворец». Так, из рассказа одного моего информанта стало известно, что после смерти сына мать побуждала других сыновей к исполнению мести, хотя каждый раз, когда приходили члены примирительной комиссии, клятвенно обещала, что в следующий раз к их приходу она организует встречу с сыновьями и разрешит этот спор, демонстрируя свою добрую волю к примирению. Как выяснилось позднее, она запрещала сыновьям вступать в контакт со старейшинами, боясь их согласия на примирение, и поэтому находила различные предлоги, чтобы встреча не произошла. Одновременно мать разжигала в сердцах сыновей обиду, подталкивала их к исполнению мести, и через 16 лет они убили брата кровника. Черета взаимных отмщений могла быть продолжена, так как погиб совершенно

невинный человек, но его семья изначально была против кровной мести, и они простили обидчиков, несмотря на укоры и провокации со стороны родственников. Отец погибшего юноши сказал: «Они потеряли сына и мы — нет смысла продолжать эту бессмысленную бойню. Я прощаю кровь моего сына ради Аллаха» [ПМА 2010]¹. Таким образом, человек и его род имеют выбор: месть и затем период постоянного страха в ожидании ответного шага или примирение — что для них окажется важнее.

Необходимо отметить и еще одну очень значимую деталь: кровомщение распространяется только на представителей тех народов, у которых она бытует. После экспедиционных поездок в Ингушетию в 1919–1921 гг. Н.Ф. Яковлев посвятил кровной мести две большие главы в своем основательном труде «Ингуши». Он отмечает, что «в ингуша глубоко внедрил взгляд, что другой, такой же, как и он, ингуш не может насильственно навязывать ему ничего, что стеснило бы его свободу, или тем более причинило ему ущерб. В противном случае насильник должен понести кровную ответственность перед обиженным <...> кровная месть у ингушей на русских не распространялась. Наоборот, со своими старыми соседями-горцами: осетинами, чеченцами и даже кабардинцами — ингуши считались родством, водили дружбу (куначество), а при случае расплачивались кровной мстью» [Яковлев 1925: 116]. Кровная месть имеет свои правила, и с годами они не сильно изменились, в частности, кровомщение распространяется на свой социум, членам которого этот обычай известен с рождения.

Для наглядности рассмотрим один довольно типичный пример.

Группа молодых людей поспорили, затем началась драка, в которой один парень погиб. Виновник трагедии А пришел в суд с повинной, а его родственники, как только узнали о случившемся, отправили к родным погибшего старейшин рода в надежде на перемирие. Тем временем всех мужчин в семье: родных братьев, сыновей, отца, дядьев и племянников — развезли по дальним родственникам на случай нападения кровников. В доме остались одни женщины.

Важная деталь обычая: попытки к примирению кровники предпринимают, как только узнают о трагедии, и так продолжается до тех пор, пока не будет получен положительный результат, — месяцы, годы и даже десятилетия. Впрочем, нельзя

¹ Полевые материалы находятся в личном архиве автора.

не отметить, что есть категория людей, которые никогда не простят кровь, хотя и не будут мстить: их цель — чтобы объект мести жил в вечном страхе. Это тоже своего рода возмездие, так как до официального примирения люди считаются кровниками.

Нужно отметить, что в число парламентариев не могут входить родственники по отцовской линии, на которых распространяется кровная месть. Ими могут быть или родственники по матери, или любые уважаемые люди. Они должны узнать о намерениях пострадавшей стороны относительно мести и о том, будет ли дозволено присутствовать на похоронах кому-либо из рода и религиозной общины виновного. На следующий день рано утром те, кому это было разрешено, приезжают на похороны с огромной делегацией и жертвенным животным (корова, бык), чтобы принести его в жертву перед началом похорон. Тем самым выказывается максимальное уважение и выражается чувство вины.

Обычно, только что получив весть о гибели близкого человека, родственники не совсем адекватно реагируют на информацию о том, как именно произошла трагедия: является ли она актом насилия, проявлением злой воли, случайным стечением обстоятельств, или это превышение необходимой обороны. В расчет принимается только сам факт убийства, а не обстоятельства, приведшие к гибели человека¹. Аргументы и доводы, приводимые делегацией от виновной стороны, не кажутся убедительными, поэтому ее визит чаще всего бывает безуспешным. Если же перемирие достигается, прощенные всю жизнь относятся к простившим с особым почтением, проявляя деликатность, чуткость и внимание. Один информант рассказал мне, что его брат, переходя дорогу, попал под машину и погиб, и отец простил кровь сына. После этого родители молодого человека, который был за рулем, до конца жизни отца и матери погибшего мальчика ездили к ним на праздники и все значительные события в семье (в то время как сам виновник трагедии не приезжал никогда) [ПМА 2010].

Вернемся к нашему случаю.

Пока А сидел в камере предварительного заключения, его родные дни и ночи напролет проводили в поисках друзей, родственников, приятелей, через которых можно

¹ Следует обратить внимание, что в русском языке (бытовом, а не судебном) гибель человека, если она являлась неумышленной (например, в ДТП) и не была результатом агрессии (в драке), обычно убийством не называется, равно как и ее виновника не называют убийцей. В то же время в ингушском языке человек, ставший причиной чьей-то гибели, называется убийцей независимо от обстоятельств совершенного.

было как-то воздействовать на родных погибшего, дабы разрешить эту трагедию миром. Тем временем пострадавшая семья вела собственное расследование, чтобы убедиться, что правда на ее стороне и член семьи погиб от руки обвиняемого.

По истечении семи суток после похорон переговорный процесс возобновился. На эту встречу пришло до тысячи человек односельчан и родственников, которые не носили одну фамилию с обвиняемым А. Несмотря на огромный миротворческий корпус и их просьбы, родители погибшего были непреклонны. В перемирии было отказано.

Вслед за тем началось судебное разбирательство, на котором присутствовали родные обвиняемого и убитого. Поскольку был известен случай, происшедший в Назрановском суде ранее, когда кровники застрелили убийцу прямо в здании суда во время процесса, с тех пор всех входящих стали досматривать на наличие огнестрельного оружия. Виновника убийства приговорили к восьми годам тюремного заключения. После оглашения приговора старейшины села приехали к родственникам осужденного А и предложили им уехать из этого села, дабы не навлечь на себя гнев кровников.

Нужно отметить, что остракизм — не обязательная мера наказания, и подвергаются ей только те, кто волею судьбы стал убийцей члена сильного рода, за которым закрепился термин «жестокие, плохие люди». Последнее не нужно понимать дословно, это род, который не прощает обиду (ингушская пословица гласит: «Пусть лучше у меня будет кровная вражда с хорошими людьми, чем родство с плохими»). Такие семьи чаще всего бывают непреклонны, договориться с ними очень сложно — нужно выждать время, чтобы стихла боль и откипели страсти. При этом надо помнить, что в описываемом ингушском варианте кровной мести нет победителей и побежденных, здесь одинаково страдают обе стороны.

Изгнание становится суровым наказанием для семьи, вынужденной покинуть налаженный жизненный уклад и искать новое место жительства, где придется все начинать с нуля. Это мера временная, которая используется для того, чтобы избежать дальнейшего развития конфликта. Иногда стороны предпочитают просто разорвать отношения на время, пока виновник происшествия находится в заключении. В этот период родственники и члены примирительной комиссии будут делать все возможное для урегулирования конфликта, но если после

окончания срока заключения перемирие не будет достигнуто, изгнанники так и не смогут вернуться домой.

Возможен и другой сценарий. В этом случае семья остается жить на прежнем месте, но ближайшие родственники убийцы вынуждены будут уволиться с работы и учебы, не появляться в общественных местах, вести затворническую жизнь вплоть до примирения. Это очень сильно сказывается на семейном бюджете. В таких семьях вынуждены работать женщины, а мужчины должны отсиживаться дома или покинуть республику и уехать «в никуда», чтобы их не выследили кровники, там устроиться на работу и присылать деньги семье. Нужно отметить, что ни тюремное заключение, ни естественная смерть кровника не прекращают кровную месть. О долге крови ингуши говорят: «Не спеши, но и не забывай». В тех случаях, когда умирает основной кровомститель, долг мести переходит к его сыну, если его нет, то к брату или отцу. Случалось, «кровь кровника» находили через поколения, и вину предка искупал даже правнук. Однако неизвестно, чтобы мстили женщинам и подросткам.

Семья осужденного А осталась жить на прежнем месте и, пока он был в тюрьме, соблюдала положенный в таких случаях этикет поведения кровников, заключающийся в том, что его родственники не посещали свадьбы и похороны, на которых появлялись родные убитого, женщины носили темную одежду. Члены семьи А избегали не только умышленной, но и случайной встречи с другой стороной. Не дожидаясь возвращения сына из тюрьмы, родители А неоднократно отправляли к кровникам миротворцев с просьбой примириться, но те отказывали им. Так продолжалось восемь лет.

Отсидев положенный ему срок, виновник происшедшего вышел на свободу. За это время умерли родители погибшего, и его братья поддались на уговоры родных и близких, с которыми все эти годы общались члены примирительной комиссии, и пошли на примирение. Состоится оно или нет, во многом зависит от членов примирительной комиссии, на которую возлагают надежду все, кто попадает в такую сложную жизненную ситуацию.

Активную борьбу с обычаем кровной мести стали вести с самого начала XX в. Сходом представителей ингушского народа в 1907 г. был принят приговор для искоренения существующего в обществе обычая кровной мести. Собравшиеся отмечали, что «кровная вражда, причиняя неисчислимые бедствия населению, влечет к самоуничтожению как физическому, так и нравственному». Общество постановило прекратить

навсегда обычай кровной мести как противоречащий учению Корана, и всем без исключения кровникам из среды ингушей совершить между собой примирение до 1 июля 1907 г. [Ингушские народные приговоры 1907]. Однако это решение не достигло поставленной цели — обычай кровной мести оказался очень живучим. «И перед советской властью стала неотложная задача как можно скорее покончить с массой накопившихся случаев кровной мести и тогда повести решительную борьбу с вновь возникающими враждами. Однако никакими законами или распоряжениями этого сделать было нельзя, так как ингуши не привыкли подчиняться законам, в особенности в делах кровной мести. Прежняя русская власть пробовала бороться с нею судами и ссылкой на каторгу, однако из этого ничего, кроме взаимного ожесточения, не вышло. Единственным выходом из положения было воспользоваться тем способом прекращения кровной мести, который был выработан самим обычаем, т.е. устроить примирение всех кровников по Ингушетии, с соблюдением правил, установленных обычаями» [Яковлев 1925: 120].

Учитывая опыт предшествующих эпох, советская власть не стала кардинально менять существующую практику, и в 1920 г. была создана «комиссия по примирению». В задачи комиссии входило объехать все аулы Ингушетии и в каждом населенном пункте произвести примирения всех кровников. Комиссия привлекла к своей работе наиболее уважаемых местных жителей, духовенство и представителей влиятельных в народе религиозных братств. Была проделана огромная работа, все случаи кровной мести подробно изучались и записывались. Согласно обстоятельствам дела и обычаям комиссия устанавливала величину выкупа, который должна была уплатить сторона ответчиков. Цена крови была определена в 500 тыс. рублей советскими денежными знаками. «После расследования всех обстоятельств дела и установления размеров “выплаты за кровь” комиссия организовывала сам обряд примирения, строго придерживаясь всех обычаев старины. Только строгое соблюдение адата должно было связать мстителей и обеспечить ответчиков от новой вспышки вражды. В противном случае мстители всегда могли бы сослаться на недействительность примирения и снова начать преследование убийцы» [Яковлев 1925: 122].

Между тем обычай кровной мести продолжал бытовать. Советское государство проводило большую культурно-воспитательную работу на местах и вело борьбу с пережитками прошлого мерами уголовно-правового характера. «В 1928 году в Уголовный кодекс РСФСР была введена X глава “О преступлениях, составляющих пережитки родового быта”. Ее действие ограничивалось в основном районами Северного Кавказа, где

до этого существовали шариатские суды. Статьи 203–204 главы X приравнивали отправление шариатского правосудия к тяжелым уголовным правонарушениям, за которые полагалось заключение в лагере сроком на один год. Подобные наказания были сохранены в российском Уголовном кодексе, принятом в 1961 году» [Бобровников 2003: 5]. 5 ноября 1928 г. ВЦИК РСФСР принял постановление «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести». Постановление дополняло Уголовный кодекс Российской Федерации новой главой «О преступлениях, составляющих пережитки родового быта»: «В целях ликвидации случаев кровной мести, возникающих на почве убийств и нанесения телесных повреждений, при окружных или районных и волостных исполнительных комитетах организуются примирительные комиссии в составе: представителя соответствующего исполнительного комитета (председатель), народного судьи, двух представителей общественных организаций и представителя местной женской организации. Примирительные комиссии собирают сведения о лицах, враждующих между собой на почве кровной мести» [Постановление ВЦИК 1928: ст. 927]. Распространялось постановление ВЦИКа «на автономные области, краевые (областные) объединения и губернии, в которых развит обычай кровной мести» [Лебедева 2005].

В период депортации, когда людей начали вывозить с родных мест¹, кровники ходили вдоль эшелонов, искали своих «обидчиков» и прощали их. Однако многие так и остались непрощенными, поэтому сразу же после возвращения на родину чеченцев и ингушей в 1957 г. в каждом районе Чечено-Ингушетии начали действовать примирительные комиссии. Это было не только государственным решением, но и волеизъявлением народа, так как после страшных испытаний, пережитых в годы ссылки, людям казалось, что лучше простить вину, нежели враждовать; тем более что после возвращения многим кровникам приходилось жить рядом. Из полевых материалов следует, что в период депортации народ находился на грани выживания и кровная месть была временно забыта. Да и враждующие семьи оказались разделены территориально. После возвращения на родину органы власти предприняли усилия, чтобы институт кровной мести не был реанимирован, но, как видно, эти попытки оказались не слишком успешными.

Наглядно иллюстрируют работу комиссии по примирению кровников «Материалы примирительной комиссии по селению Сурхахи Назрановского района Чечено-Ингушской АССР»,

¹ В 1944–1957 гг. ЧИАССР была упразднена и преобразована в Грозненский округ в составе Ставропольского края, а ингуши и чеченцы депортированы в Казахстан и Киргизию.

хранящиеся в фондах Ингушского государственного музея краеведения им. Т.Х. Мальсагова. Из видеоряда (представленных фотографий) следует, что этой работе придавалось большое значение. В примирении кровников принимали участие министр внутренних дел и охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР генерал внутренней службы III ранга М.П. Дроздов (рис. 1), председатель Республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев (рис. 2), председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения перемирия Ильяс Абдулаевич Алмазов (рис. 3) [ИГМК. П. 34]¹. Сколь основательна и масштабна была эта работа, можно судить и по уровню ее всесторонней подготовки. Так, специально для партработников, ответственных за решение этой проблемы в Чечено-Ингушской АССР, по партийной линии издавалась «Памятка по примирению кровников» [Леонтьева 2010]. В эти комиссии входили авторитетные люди: старейшины, прокурор, начальник милиции, мулла. «Я был членом одной из таких комиссий, — вспоминает Муса Хадисов [бывший прокурор Урус-Мартановского района ЧИАССР. — М.А.]. — Мы вызывали кровников и с ними беседовали. Бывало, что они отказывались от кровной мести. За это их поощряли: давали машины вне очереди, выделяли земельные участки, могли продвинуть по службе» [Светова 2008].

Советское государство не только умело использовало административный ресурс, но и гибко применяло Уголовный кодекс. «Была статья 231 в УК РСФСР 1960 года — “Уклонение от примирения”. Вплоть до 1997 года это считалось преступлением, влекло до двух лет заключения. Применялась она в тех “автономных республиках, автономных областях и других местностях РСФСР”, где сохранялись “пережитки местных обычаев” (аналогичные положения содержались в кодексах некоторых бывших союзных республик). Наказывалось по этой статье “уклонение родственников убитого от отказа применения кровной мести в отношении убийцы и его родственников, осуществляемого в порядке, установленном положением о примирительном производстве по делам о кровной мести”. Иными словами, традиционное примирение формально признавалось правовым институтом даже в эпоху всепроникающего советского официоза» [Левинсон 2003]. Это был сильный рычаг давления на тех, кто не хотел примириться. Весь комплекс описанных мероприятий по примирению кровников превратил республику в очень спокойный регион: по числу тяжких преступлений, она была самой благополучной в Российской Федерации [Леонтьева 2010].

¹ Фотографии из архива Ингушского государственного музея краеведения, папка № 34.

Рис. 1. Примирение кровников в селении Сурхахи Назрановского района. Справа от стола стоит Министр внутренних дел и охраны общественного порядка Чечено-Ингушской АССР генерал внутренней службы III ранга М.П. Дроздов, за столом справа сидят И.А. Алмазов и члены примирительной комиссии

Рис. 2. На переднем плане перед жителями селения Сурхахи стоит председатель республиканской примирительной комиссии Абдул-Вагап Тепсаевич Тепсаев

Рис. 3. Перед старейшинами селения Сурхахи выступает председатель Президиума Верховного Совета ЧИАССР по вопросу порядка проведения перемирия Ильяс Абдулаевич Алмазов

После распада СССР прежняя система административного и уголовного наказания была ликвидирована. Согласно ч. 2 ст. 105 Уголовного кодекса отягчающим обстоятельством является совершение убийства по мотиву национальной, расовой, религиозной ненависти или вражды либо кровной мести. По сравнению с прежней формулировкой ст. 102, пункт «к» УК 1960 г. («убийство, совершенное на почве национальной или расовой вражды или розни») в новый УК, как видно, внесены уточнения: кроме прочего в этот пункт включено убийство по мотиву кровной мести [УК РФ].

В остальных положениях Уголовного кодекса Российской Федерации его составители обошли этот вопрос как несуществующий. Однако на местном уровне вопрос кровной мести, как и прежде, очень актуален, ему уделяется огромное внимание и местными органами власти, и духовенством, и обществом в целом. Как справедливо отмечает профессор Я.И. Гилинский, «в традиционных обществах, где сильны общинные формы социального контроля, многие конфликты, включая те, что в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются на сходах или старейшинами (при посредничестве старейшин) и, видимо, поэтому показатели многих видов

преступности на Северном Кавказе среди национальных субъектов Российской Федерации самые низкие. Так, в 2004 г. уровень зарегистрированных убийств в Дагестане был 7,5; в Ингушетии — 9,3; в Кабардино-Балкарии — 10,5; в Адыгее — 11,9 при среднероссийском — 21,9. Уровень причинения тяжкого вреда здоровью в том же году был в Ингушетии — 5,3; Дагестане — 6,4; Кабардино-Балкарии — 13,2; Карачаево-Черкесии — 20,6 при среднем по России — 39,8. Уровень разбоев составлял в Ингушетии — 10,1; в Дагестане — 7,4; в Кабардино-Балкарии — 15,4 при среднероссийском — 38,5» [Гишинский 2007: 100].

Статистика говорит за себя: на Кавказе еще очень силен контроль антиобщественного поведения. Любой человек, совершивший аморальный поступок, будет подвергнут остракизму. Если семья будет поддерживать его, то и ее постигнет та же участь. С этими людьми не будут общаться, и даже когда они умрут, в последний путь их будут провожать только близкие родственники без соответствующей похоронной обрядности с участием мюридов, родственников и друзей.

Живучесть обычая кровной мести вынуждает местные власти создавать на государственном уровне примирительные комиссии, которые будут выполнять функции регулятора. Так, с 6 сентября 1995 г. распоряжением первого президента Ингушетии Р.С. Аушева были приняты меры по предупреждению преступлений, совершаемых на почве кровной мести; 15 сентября того же года утверждено «Положение о примирительных комиссиях по делам кровной мести» [Патиев 2007: 307]. Эту работу продолжил его преемник М.М. Зязиков, а затем и нынешний президент Республики Ингушетия Юнус-бек Евкуров. Для достижения положительного результата в вопросах кровной мести в республике созданы примирительные комиссии, которые ведут учет всех кровных дел и силами общества решают эти сложные вопросы.

В Духовном управлении мусульман республики ведут тщательный учет актов и процессов примирения; вся статистика по кровникам — неофициальная и не подлежит огласке. С материалами этой комиссии работает лично Муфтиятий Иса Хамхоев. В официальном списке кровников, составленном по различным населенным пунктам Ингушетии на 1 января 2009 г., числилось 180 человек, не достигших примирения. За текущий год в республике примирились около 104 кровников [ПМА 2010]. Значит, членами примирительной комиссии многое сделано и многое им еще предстоит сделать. Нужно отметить, что эта работа ведется на общественных началах и никак не оплачивается.

В состав комиссии входят представители всех населенных пунктов республики — примерно по семь человек от городов и сел. Это старейшины родов, духовные лидеры и почитаемые в народе люди независимо от их возраста. Члены примирительной комиссии ведут свою трудную и кропотливую работу годами, пока не добьются положительного результата. Значительная часть этих людей имеет многолетний опыт, и поэтому их привлекают к работе с кровниками, когда хотят получить положительный результат. Всякая семья, оказавшаяся в ситуации кровной вражды, имеет право выбрать людей, которым она доверяет решать вопросы, связанные с примирением. Ведь в каждом населенном пункте есть люди, занимающиеся этими вопросами всю жизнь. Главная роль примирительных комиссий — разъяснительно-предупредительная.

Сумма откупа за убийство до 5 июня 2010 г. составляла 100 000 руб., а затем была увеличена до 1 млн. руб.¹ Заместитель председателя примирительной комиссии Ингушетии, председатель примирительной комиссии по Малгобекскому району и городу Малгобек Алихан Ахметович Муцольгов в интервью прокомментировал это решение так: «Можно снизить убийства, которые совершаются водителями транспортных средств по халатности <...> Сумма откупа же станет не только бременем для виновного, но и подспорьем для семьи, которая потеряла кормильца. [И далее, вопрос интервьюера:] Бытует мнение, что закон кровной мести — сдерживающий фактор, что он жизненно необходим для Ингушетии. Ваше мнение созвучно с этим мнением? — [Муцольгов:] Любое мнение имеет право существовать, в том числе и озвученное Вами, которое действительно бытует. Сугубо мое мнение, как индивидуума, что это пережиток прошлого, когда кровь проливается и это никак не может считаться необходимостью» [Щечоев 2010].

Примирение — богоугодное деяние, и именно так расценивается сообществом работа примирительной комиссии. Для того чтобы добиться положительного результата, ее членам приходится прикладывать немалые усилия. В частности, искать слабые стороны каждого рода, чтобы использовать их для примирения кровников как рычаги воздействия на наиболее упорных. Ораторское мастерство, такт, знание местных адатов и шариата позволяет им решать многие кровные дела. Нужно отметить, что примирение часто происходит по решению представителей старших поколений, которые принимают его во избежание кровопролития, даже если некоторые члены семьи с ним не согласны. Это не обсуждается и не оглашается, так как

¹ См. обсуждение этого вопроса на Конференции мусульман Республики Ингушетия в моем обзоре, опубликованном в этом же номере «Антропологического форума».

еще сильны устои патриархального уклада ингушской семьи, где решение старшего — закон для младших. Для достижения положительного результата к переговорному процессу подключают авторитетных родственников по отцовской и по материнской линиям, которые смогут напрямую уговаривать и приводить различные доводы в пользу примирения.

«Примирительная комиссия — орган по-своему бюрократический. Все акты примирения протоколируются. В них записывается и количество жертв кровной вражды. Жители села, где происходило примирение, ставят свои подписи как свидетели. Вот цитаты: “Жители села Сагопши Малгобекского района благодарят председателя примирительной комиссии Латырова Сосарко за труд в деле примирения кровников Мержоевых — Холухоевых, Мержоевых — Белхороевых (погибли 8 человек, ранены 2 человека)”;

“Жители села Яндаре выражают признательность Латырову Сосарко за примирение кровников пяти тейпов (погибли 7 человек). Сосарко провел огромную работу по примирению. Да поможет ему Аллах!”;

“Семья Батажевых (станция Троицкая) выражает свою глубокую признательность Латырову Сосарко за устранение кровной вражды 50-летней давности и примирение нас с кровниками Алиевыми из поселка Дачное”» [Халип 2004].

Сейчас примирение кровников — обычный и очень частый сюжет программы «Вести — Ингушетия»:

Видео 1. Программа «Вести — Ингушетия» от 21.02.09.

Сюжет о примирении Экажевых с Кодзоевыми

Формы примирения претерпели различные изменения с принятием ислама. Современное примирение происходит в окрестностях соборной мечети, но в молитвенном доме и во дворе мечети допускается только молебен, а прощение крови должно происходить за его пределами. Поэтому процедуру примирения назначают после дневной пятничной молитвы, так как на нее собирается огромное количество прихожан. По ингушским обычаям женщина не посещает мечеть, следовательно, нет и традиционного деления на женскую и мужскую половину. На примирении кровников женщины не присутствуют ни в качестве свидетелей, ни в качестве участниц церемонии — здесь собираются только мужчины. Глава пострадавшего рода или ближайший родственник погибшего объявляет, что с этого момента претензий ко всем ответчикам по мести и убийце нет, он прощает «кровников»¹. Клятвенно заверяется,

¹ См. об этом более подробно в нашей статье: [Албогачиева, Бабич: 2010].

что если когда-либо и где-либо кто-то из родственников убитого нарушит сегодняшнюю договоренность, то род убитого за этого нарушителя ответственности не несет. Это отклонение от нормы, и случается крайне редко. От таких людей общество отрекается, они становятся изгоями как клятвопреступники.

Видео 2. Программа «Вести — Ингушетия» от 20.02.09.
Сюжет о примирении Оскановых с Мальсаговыми

После объявления о прощении по знаку посредников появляются представители «виновной» семьи во главе со старейшинами рода и членами примирительной комиссии. Они направляются в сторону пострадавшего рода медленно, молча, с опущенными головами. Подойдя, мужчины становятся в шеренгу; кровники пострадавшей семьи подходят к каждому из них,жимают руку, обнимают и говорят: «Я прощаю тебя ради Аллаха (*аз нха битар хИона Даьла духь*)»; затем прощенные благодарят, те и другие обнимают друг друга и расходятся с миром [ПМА 2010]. Нужно отметить, что в примирении кровников не требуется непосредственного участия виновника, и в большинстве случаев он не присутствует на процедуре примирения; тогда как в соседней Чечне считается необходимым, чтобы обвиняемый лично прикладывает усилия к примирению, его участие в обряде примирения кровников является обязательным¹.

«Магомед-хаджи Аушев долгое время был главой примирительной комиссии села Сурхахи. На его счету более 20 удачных “миротворческих операций”. Он рассказывает, что все случаи кровной мести делятся на сложные и простые. Простые — это когда человек погиб в ДТП, или в драке кто-то ударил его сильнее, чем хотел, словом все ситуации, где не было умысла убить. В таких случаях мира почти всегда можно достичь, но даже тут сразу почти никогда не прощают, “нужно время, чтоб у человека отболело сердце, мы приходим к нему и просим смилостивиться пять раз, десять, двадцать, капля камень точит”, говорит Магомед-хаджи, — “если человек упрямится, его будут попрекать, что отказал почтенным людям, чем авторитетней примиритель, тем сложнее отказать”. Другое дело, когда убийство было намеренным, а тем более жестоким, если убил пьяный, это, как и в российском суде, отягчающее обстоятельство. В таких случаях прощают редко» [Джемаль 2009].

Каждое примирение приносит облегчение многим участникам конфликта, так как одним не надо больше скрываться, а другим бесконечно искать кровников. По шариату это богоугодное деяние, и поэтому самую трудоемкую и ответственную

¹ См., например, сюжет телепрограммы НТВ о кровной мести в Чечне, выложенный на видеохостинге YouTube <<http://www.youtube.com/watch?v=0UIYM5BgdTg>>.

часть работы берет на себя ингушское духовенство. Значительная часть нравственного воспитания и духовно-просветительской работы с населением проводится во время ритуала примирения кровников. Всем присутствующим разъясняется важность и ценность прощения с точки зрения ислама.

Видео 3. Программа «Вести — Ингушетия» от 26.02.09.
Сюжет о примирении Даубековых и Султыговых

Существование примирительной комиссии на территории Республики Ингушетия свидетельствует о потребности гражданского общества в примирении и согласии. В настоящее время в мире формируется новая концепция, предполагающая применение внесудебных, альтернативных практик разрешения правовых конфликтов, которая в международной практике получила название «Восстановительное правосудие». Под этим термином понимаются разные практические модели реагирования на преступления, которые объединены общей целью и идеологией: направленностью на психологическое и душевное исцеление жертв, ресоциализацию правонарушителей и восстановление отношений между ними, обществом и государством. Краеугольным камнем здесь является не наказание, а примирение сторон и всестороннее возмещение ущерба. «В ряде стран нормы о посредничестве в уголовных делах вошли в законодательство. Смена основных действующих лиц в решении конфликта отнюдь не возвращает нас к кровной мести или суду толпы, поскольку речь идет об особом способе деятельности, о специально организованной процедуре, юридические последствия которой определяются официальными органами» [Карнозова 2003]. В современной России более широкой реализации требуют идеи восстановительной юстиции, что особенно актуально для традиционных обществ, где сильны общинные формы социального контроля и многие конфликты, включая те, которые в современном обществе квалифицируются как преступление, решаются при посредничестве старейшин [Зюков 2009: 90].

Очевидно, что на данный момент обычай кровной мести находится в стадии трансформации; при этом многие жители Ингушетии считают его негативным явлением и хотели бы, чтобы он прекратил свое существование. Вместе с тем система социального регулирования в республике явно нуждается в дополнительных механизмах контроля помимо УК Российской Федерации. Таким образом, успешность работы примирительных комиссий и других институций, пытающихся изжить обычай кровной мести, как и его дальнейшая трансформация в целом, зависят от того, появится ли в обществе альтернативный меха-

низ контроля, который мог бы функционально заменить тот, с которым власти и общественные организации борются столь давно, столь упорно и, в целом, с определенным успехом.

Сокращения

- ИГМК — Ингушский Государственный музей краеведения им. Т.Х. Мальсагова
 ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
 УК РФ — Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 (действующая редакция).

Библиография

- Албогачиева М.С.-Г., Бабич И.Л.* Кровная месть в современной Ингушетии // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 67–78.
- Александров А.А.* Месть // Терские ведомости. 1905. № 272–274.
- Бобровников В.* Шариатские суды на Северном Кавказе // Отечественные записки. 2003. № 5 (13). С. 5.
- Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. Р. Асланова; Юридический центр Пресс, 2007.
- Грабовский Н.Ф.* Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушского округа // ССКГ. 1870. Вып. 3. С. 27–28.
- Джемаль О.* Неделя мира в Ингушетии // Живой журнал пользователя orkhan. 2009-03-02 <<http://orkhan.livejournal.com/>>.
- Жуупикова Е.Ф.* Повстанческое движение на Северном Кавказе в 1920–1925 годах // Академия исторических наук: Сб. трудов. М.: Академия исторических наук, 2006. Т. 1. С. 114–319.
- Зюков А.М.* Кровная месть: внеправовой обычай и государственно-правовая политика. Владимир: ИП Журавлева, 2009.
- Ингушские народные приговоры // Терские ведомости. 1907. № 97. С. 3.
- Карнозова Л.* На пути к новой парадигме уголовной юстиции (краткий очерк о восстановительном правосудии) // Индекс / Досье на цензуру. 2003. № 18 <<http://www.index.org.ru/journal/18/18-karnoz.html>>.
- Лебедева А.* Кровная месть // Южный репортер. 2005, 31 октября // <<http://reporter-ufu.ru/681-krovnojaja-mest.html>>.
- Левинсон Л.* А потерпевшим быть обязан // Индекс [журнал]. 2003. № 18 <<http://www.index.org.ru/journal/18/18-levinson.html>>.
- Леонтович Ф.И.* Адаты кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса: Тип. П.А. Зеленого, 1883. Вып. 2.
- Леонтьева Л.* Хрустальный мир Северного Кавказа // Открытая газета [Ставропольский край]. 2010, 27 января — 3 февраля. № 3 (393) <<http://www.opengaz.ru/issues/03-393/peace.html>>.

- Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1967. Т. 1.
- Патиев Я.* Хроника истории ингушского народа с древнейших времен до наших дней. Махачкала: Лотос, 2007.
- Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О примирительном производстве по борьбе с обычаем кровной мести» от 5 ноября 1928 г. // Собрание Узаконений. 1928. № 141. Ст. 927.
- Рулан Н.* Юридическая антропология: Учебник / Отв. ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2000.
- Светова З.* Кто, почему и как мстит сегодня в России? // Сайт радио «Абсолют». 03.10.2008 <<http://www.radioabsolut.ru/news-view-1780.html>>.
- Халип И.* «Ингушский синдром» // Белорусская деловая газета 2004, 6 апреля.
- Цечоев Б.* Повышение «тарифа» за убийство, как сдерживающий фактор (интервью Алихан-хаджи Муцольгова) // Живой журнал пользователя beslan_cechoev. 24.11.2010 <<http://beslan-cechoev.livejournal.com/>>.
- Яковлев Н.Ф.* Ингуши: Попул. очерк. М.; Л.: Гос. изд., 1925.
- [*Städer L.*] Tagebuch einer Reise die im Jahr 1781 von der Gränzfestung Mozdok nach dem Innern Caucasus unternommen worden. St. Petersburg; Leipzig: Bey Johann Zacharias Lodan, 1797.
- Verdier R.* Le système vindicatoire // La Vengeance: Études d'ethnologie, d'histoire et de philosophie. Paris: Editions Cujas, 1980. Vol. 1. P. 1–174.